

— Вэй Ин, ты нервничаешь? — голос Лань Ванцзи звучал как вопрос, но по тону это было утверждение.

— Лань Чжань, я нашел в юньмэнской выпечке монетку, а еще конверт с запиской. Раньше, когда мы праздновали Новый год в Юньмэне, госпожа Юй в такие дни собирала нас, шицзе, Цзян Чэна и кучу учеников, которым некуда было податься, и мы все вместе лепили пельмени. Больше всего мы радовались, если кому-то попадался пельмень с монеткой внутри. И еще...

— Вэй Ин! — Лань Чжань встревоженно окликнул его, заметив слезы в уголках глаз Вэй Ина.

— Лань Чжань, со мной все в порядке. Наверное, праздник навеял воспоминания. Ты же знаешь, что вчера, когда мы запускали фейерверки на задней горе, приходил учитель Лань? — спросил Вэй Ин.

— Дядя он...

— Он ушел в сильном гневе. Хотя не проронил ни слова, я понял: он злился, потому что ты улыбался, но промолчал. Это его снисходительность и любовь, совсем как у дяди Цзяна.

Лань Ванцзи нежно стер слезы с лица Вэй Ина и, мягко притянув его голову к своему плечу, произнес:

— Давай я съезжу с тобой в Юньмэн, навестим их.

— Не нужно, правда, Лань Чжань. Со мной все хорошо. Просто праздник, вот я и затосковал по людям и временам, которые ушли, — ответил Вэй Ин.

— Если ты поедешь, Цзян Ваньинь не станет тебя прогонять.

— Я знаю. Но я не хочу, чтобы ему было больно. Эти шестнадцать лет дались ему нелегко. Из всей семьи остался только он один. Он в одиночку несет на своих плечах всё небо Юньмэна, — говоря это, Вэй Ин снова прислонился головой к плечу Лань Ванцзи.

— Беда, беда! — отчаянные крики заставили их вздрогнуть и поспешно отстраниться друг от друга. В этот момент Лань Ванцзи подумал о том, сколько же раз Цзиньби придется переписывать правила ордена, чтобы наконец уяснить, что именно стоит называть бедой.

А вот Вэй Усянь, напротив, обрадовался. Он вовсе не был сентиментальным, но некоторые воспоминания неизбежно вызывали грусть. Теперь же его внимание переключилось, и он глубоко вздохнул, словно пытаясь выдохнуть всю накопившуюся тяжесть.

Прибежавший ученик не стал задумываться, о чем беседовали старшие, и выпалил:

— Беда! На этот раз мы точно пропали!

— Цзинъи, праздник же, нельзя ли говорить по-человечески? — Вэй Усянь бросил взгляд на Лань Ванцзи, словно безмолвно спрашивая: неужели этот ребенок вчера так переиграл, что стал глуповат?

Лань Ванцзи лишь понимающе кивнул.

— Учитель Вэй, беда! Прибыл глава ордена Не, говорит, что ищет Цзэу-цзюня. А если тот не выйдет, то будет искать вас, у него срочное дело.

Вэй Ин не удержался и закатил глаза, мысленно фыркнув: и хватило же ему наглости прийти. Вслух же он сказал:

— Глава Не не в первый раз здесь, к чему такие крики?

— Да дело не в том, что он пришел, а в том, что... — Цзинъи так разволновался, что не знал, как и объяснить.

— Цзинъи, ты же обычно такой разговорчивый! Что сегодня с тобой? — спросил Вэй Ин.

— Говори медленнее, — добавил Лань Ванцзи.

— Прибыл глава Не, и стража у ворот, разумеется, пошла докладывать. Но сегодня дежурят те, кто вчера с нами гулял. Они подумали: Цзэу-цзюнь в закрытой медитации, учитель Вэй, наверное, еще спит. Не идти же к Верховному заклинателю или учителю Ланю? Ну, они занервничали и пришли советоваться со мной и Сычжуйем. Сычжуй еще соображал туго, мы начали обсуждать, и я не уследил — он принял остатки вчерашнего вина за чай...

Не дожидаясь окончания рассказа, Вэй Усянь судорожно вздохнул. В памяти тут же всплыли события вчерашней ночи.

Вчера они с Лань Чжанем решили порадовать детей фейерверками и поддались порыву — выпили вместе с ними. Лань Чжань был не против, а дети осмелели. Но чего Вэй Усянь никак не ожидал, так это того, что в ордене Лань не только Лань Ванцзи обладает плохой выносливостью к алкоголю — они все такие.

Большинство, как и Сычжуй, отключались после первой чаши, кто-то держался до второй. Самым стойким оказался этот негодник Цзинъи — выпил целых три!

А еще выяснилось, что засыпать, а потом пьянеть — это тайное мастерство ордена Лань.

Глядя на то, как младшие один за другим валятся с ног, Призрачный генерал Вэнь Нин, верный принципу обращаться по любому вопросу к своему господину, спросил: Что делать? (Непонятно, почему Вэнь Нин вообще был там, ведь там были А-Юань и Старейшина Илин). Лань Цзиньши заорал: Я ищу младшего братишку и сестренку! — и начал снимать с себя одежду.

Трое взрослых — один вообще не пил, двое других не опьянели — никак не могли понять, почему для поиска братишек и сестренок нужно раздеваться. Вэй Ин испуганно велел Вэнь Нину немедленно остановить ребенка, пока тот не натворил глупостей. Погода была холодной, не хватало еще, чтобы дети заболели.

— Лань Чжань... у твоих младших учеников просто отвратительное поведение в пьяном виде! — то ли сердясь, то ли кокетничая, произнес Старейшина. Верховный заклинатель в ответ лишь почувствовал, как сердце забилося чаще. Вчера Вэй Ин смеялся и уснул прямо на полу — Лань Ванцзи понимал, что тот устал с дороги. Он уже приготовил Улыбку Императора, чтобы выпить с ним, когда тот проснется, но кто же знал, что младшие устроят балаган с фейерверками. Лань Ванцзи вообще не понимал, чему там учиться, ему хотелось просто запаковать всех этих детей и отправить спать в дом Цзиньши.

Пока Старейшина ждал ответа от своего Лань Чжаня, он почувствовал тяжесть на ногах. Посмотрел вниз: ну надо же, Лань Сычжуй обхватил его ноги, поднял голову и сладко улыбнулся, сжимая в руках тряпичного тигра, словно они вернулись в те времена на горе Луаньцзан.

— Сычжуй, ну ты же большой, а все за ноги цепляешься! — Вэй Ин ворчал, но при этом нежно гладил ребенка по волосам.

— Папа, мама, давайте вместе выроем ямку и посадим А-Юаня, А-Юань хочет, чтобы с ним играло много старших братьев и сестер.

Если спросить Старейшину Илин, что он чувствовал в тот момент, он ответил бы, что в его душе носится стадо из десяти тысяч лам. Но прежде чем он успел хоть что-то предпринять, раздался собачий лай, затем волчий вой, снова лай, снова вой — они перекликались, будто два старых друга вели беседу.

По идее, Старейшина Илин должен был сейчас визжать и спасаться бегством, но он застыл, как изваяние. А Лань Ванцзи, на лице которого обычно не прочесть эмоций, крепко держал его, боясь, что тот сорвется и убежит. Но Вэй Усянь не собирался бежать: ведь лаяла вовсе не собака, а какой-то младший ученик ордена Лань. Волчий вой издавал другой ученик.

Еще больше Старейшину поразило то, что неподалеку кто-то кукарекал, кто-то обнимал дерево с криками: Кошечка, какая милая! — кто-то усердно кланялся огромному камню, а кто-то... впрочем, неважно, что они кричали. Старейшина понял, насколько же мудры правила ордена Лань, запрещающие алкоголь. Оказалось, нет в мире ничего более безумного, чем пьяный адепт ордена Лань.

В итоге Старейшина наклеил на каждого талисман послушания, поставил Цзинъи впереди, заставил их выстроиться в колонну, положив руки на плечи друг другу, и отправил их прыжками в дом Цзинъи — просто потому, что ему показалось это забавным. Когда все повалились спать, Вэй Ин попросил Вэнь Нина укрыть их и присмотреть, чтобы никто не натворил дел среди ночи. И велел разбудить их рано утром, чтобы старик Лань не обнаружил их и снова не пришел в ярость.

Вернувшись мыслями в настоящее, Вэй Ин глубоко вздохнул:

— А ты почему не следишь за ним? Что ты здесь делаешь?

— Но Сычжуй после вина словно обрел великую силу. Он выскочил наружу и... — Цзинъи выглядел обиженным и напуганным.

— И что еще? Цзинъи, ты же не настолько глуп! Всего три чаши вина, как можно так раскиснуть? — вздохнул Вэй Ин.

— Учитель Вэй, я видел, как Сычжуй вошел в комнату учителя Ланя. Не знаю, что там произошло, но я услышал, как учитель Лань закричал: Вэй Ин, я убью тебя, я убью тебя! — Цзинъи наконец выплеснул то, что камнем лежало у него на душе, и, тяжело дыша, добавил: — Учитель Вэй, что делать? Учитель Лань в ярости!

— Учитель Вэй... вы в порядке? — обеспокоенно спросил Цзинъи.

Конечно, не в порядке! Вэй Усянь и Лань Чжань застыли. С самого Нового года Вэй Ин вел себя безупречно, боясь разозлить учителя Ланя. Что ж, теперь уже поздно что-либо предпринимать.

— Цзинъи, глава Не хотел видеть брата, иди позови его, — первым пришел в себя Лань Ванцзи.

— А как же Сычжуй? — встревоженно спросил Цзинъи. Неужели только он один переживает за брата?

— Цзинъи, ты что, после одной пьянки отупел на три года? Живо иди!

— А!... — Цзинъи умчался прочь. Понял ли он, зачем нужно было искать Цзэу-цзюня, Вэй Усянь не знал. Ему показалось, что сегодня этот ребенок особенно несообразителен. Похоже, с алкоголем в ордене Лань покончено.

— Лань Чжань, ты же обещал съездить со мной в Юньмэн на праздник? Может, отправимся прямо сейчас? — предложил Вэй Усянь.

— Не хочешь остаться в Гусу или поехать в Цинхэ? — спросил Лань Ванцзи.

Вэй Усянь покачал головой:

— Нет.

По сравнению с ними, в Гусу — разъяренный учитель Лань, в Юньмэне — своеправный Цзян Чэн, так что Цинхэ был бы лучшим выбором. К тому же брат Не наверняка встретил бы их с распростертыми объятиями.

Так почему же Старейшина Илин все равно не хотел туда ехать? На самом деле он чувствовал, что нынешний глава ордена Не стал человеком, способным вершить судьбы мира, а не тем маленьким учеником, что прятался за его спиной. А раз все изменилось, не стоит ворошить прошлое.

Раз уж они решили ехать в Юньмэн, нужно было обсудить детали. Хотя, по правде говоря, один постоянно говорил, а второй лишь отвечал: М-м. Как бы на это ни смотрели другие, им двоим было хорошо.

Незаметно они дошли до главных ворот и увидели Не Хуайсана, который метался из стороны в сторону, словно муравей на раскаленной сковороде.

— Верховный заклинатель, у вас что, даже в праздник без визитной карточки не пускают? — усмехнулся Вэй Усянь.

Лань Ванцзи был немного обескуражен, понимая, что Вэй Ин подшучивает над ним. Но его удивляло другое: глава ордена Не часто бывал здесь в гостях, почему же в такой праздник его оставили ждать у ворот?

— Брат Вэй! — не успели они разобраться в причинах, как услышали взволнованный голос.

— Глава Не, вы в Цинхэ праздник не справляете, что же вы здесь делаете? — спросил Вэй Ин.

— Брат Вэй... — Не Хуайсан хотел что-то сказать, но внезапно поднялся сильный ветер, смешанный с мелким дождем. С неба на мечях спустились трое в белых одеждах. Все присутствующие с удивлением наблюдали за ними.

Впереди шел подросток лет тринадцати-четырнадцати в роскошных серебристо-белых одеждах, сжимавший в руке меч Суйбянь. Да, в руках у мальчика был настоящий Суйбянь. Вэй Ин недоумевал: меч же был у Цзян Чэна, как он оказался у этого ребенка?

Лань Ванцзи заметил, что у этого мальчика черты лица и фигура совсем не похожи на Вэй Ина.

Но глаза... глаза были точь-в-точь как у него. Полные обиды, терпения, недовольства и ненависти — точь-в-точь как у Вэй Ина на горе Байфэн.

Они переглянулись. Вэй Ин уже собирался спросить, кто они такие, как мальчик холодно бросил:

— Схватить Вэй Ина и увести!

<http://bllate.org/book/24021/2753715>